

К. Е. Сигалов¹

ЛОЖЬ КАК ФЕНОМЕН ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Изучение данного феномена обретается в сфере интереса практически всего гуманитарного знания, но в первую очередь в сфере морали, политологии, истории и, конечно же, права. С ложью мы сталкиваемся постоянно: нам каждый день очень многие лгут, и очень многим лжем мы сами. Понять, что такое ложь именно как феномен современной правовой культуры, — это задача более чем амбициозная, и прежде всего потому, что вырвать эту проблему из контекста общего представления о лжи практически невозможно.

Проблема лжи в правовой культуре многоаспектна, а в некоторых отраслях и даже типах права является неотъемлемым элементом правовой культуры. Ложь всегда сопутствует преступлению, но есть ситуации, когда собственно сама ложь и является преступлением. В то же время далеко не каждая ложь преступна, а в ряде случаев имеет даже вполне положительную «характеристику». Но перед тем как попробовать типологизировать «правовую ложь», следует договориться о терминах.

1. Является ли умолчание, отказ говорить правду (сокрытие информации) ложью (феномен Чука и Гека)?

2. Что есть антоним лжи: правда или истина? Первое имеет вполне определенный историко-правовой и культурный смысл, относящийся к русскому массовому правосознанию («В чем сила, брат?»). У второго — более правовой смысл.

3. Является ли секретность ложью или это право государства на свою безопасность?

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов, кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук. Автор 260 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Типология права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие», «Методологические проблемы правового знания», статей: «Историческая методология и проблема нарратива», «Прогнозирование в историко-правовых исследованиях» (в соавт.), «Западноевропейское Средневековье — юность гражданского общества», «Гражданское правосознание как феномен и как симулякр», «Гносеологические и ментальные основания правопонимания», «Epistemological foundations of early utilitarianism» (в соавт.) и др. Почетный сотрудник МВД. Награжден двумя правительственными и восемью ведомственными (МВД РФ) медалями.

4. Является ли принцип приватности и сохранения личной информации ложью или это право на личное пространство?

5. Являются ли процессуальные, оперативно-розыскные, следственные и судебные приемы получения информации и доказательства ложью? Строго говоря, да, если исходить из формально моральной составляющей. Но если исходить из принципа получения достоверной информации, защиты прав человека — то это нормальный способ опровержения правовой жизни, некий элемент правовой культуры. В праве есть вполне четкие определения, когда лгать нельзя (например, под присягой), а когда можно (я могу не говорить правды, опираясь на ст. 51). Более того, есть ситуации, когда система права предусматривает, что некто, опираясь именно на юридические приемы, может безнаказанно и с пользой для себя лгать («абсолютная привилегия» — в британской правовой системе).

6. Является ли бескорыстный вымысел, заблуждения или безудержная фантазия и вера в нее ложью или это мыслительный способ существования людей в определенном возрасте и на определенном уровне развития?

7. Являются ли скрытые факты и феномен трансфактичного в историко-правовых исследованиях ложью или это некий историко-культурный фон, которым можно пренебречь?

8. Являются ли политико-правовые мистификации ложью или это нормальный способ ведения политического дискурса?

9. Является ли миф (как религиозный, так и нерелигиозный) ложью или это закономерный и естественный способ донесения информации до людей на определенном уровне развития?

10. Собственно говоря, интересуется ли право, так сказать, «ложь в чистом виде» или же право касается совершенно четких определений вреда лжи (неправды, неистинности), могущей нести конкретный вред? Как видим, ответы на эти вопросы не вполне очевидны и имеют амбивалентный характер.

Противоправными, а порой и преступными могут считаться следующие виды лжи:

1) фальсификация (например, выдача копии за подлинник — подделка предметов искусства, документов, а также использование документов, заведомо не являющихся действительными); здесь же фальшивомонетни-

чество и изготовление фальшивых банковско-финансовых документов;

2) симуляция (присвоение признаков болезни с целью получения выгоды, и не имеет значения, какой именно — материальной, моральной и др.);

3) самозванство (присвоение чужих личности, биографии, статусов и заслуг);

4) плагиат (присвоение чужих научных, литературных, музыкальных произведений);

5) лжесвидетельство;

6) клятвопреступление;

7) клевета;

8) самооговор;

9) блеф (в отдельных случаях);

10) введение в заблуждение;

11) подтасовка фактов;

12) преувеличение/преуменьшение сведений;

13) двусмысленная информация.

Право защищает субъекты правоотношений от таких проявлений лжи, разрабатываются соответствующие законы, мораль и общественное мнение также относятся негативно к данным явлениям. Однако не всегда можно точно установить, что именно является ложью, а что просто другой точкой зрения или иной интерпретацией. Скажем, можно ли считать смысловое заимствование плагиатом, ведь возможно, что одни и те же мысли пришли в голову различным авторам независимо друг от друга¹.

Известное выражение «ложь во спасение» тоже имеет под собой основание, так как несвоевременно озвученная правда в некоторых случаях может принести вред.

Многие отрасли и типы права заняты проблемой лжи — причем как ее разоблачением, так и применением в качестве процессуального приема, судебных и адвокатских уловок. И в этом смысле ложь как служебный прием, способ получения достоверной информации не имеет однозначно негативной окраски, ибо в конечном счете служит достижению истины. Можно сказать, что это некий исследовательский прием, совершение действий по принципу «клин клином вышибают».

Отдельные отрасли права (в первую очередь международное, отчасти гражданское, административное и полицейское право) генерализируют (обоснованно или необоснованно) принцип целесообразности, что позволяет выдавать за истину ту информацию, которая выгодна в конкретном случае. В целом и в центре соответствующих типов права находится именно такое правопонимание. Здесь представление о ценностях «ложное–истинное» имеет совершенно иной смысл и никак не коррелируется с обыденным представлением об этих категориях.

Как известно, в правовой науке значительный сегмент занимает история права. Здесь мы сталкиваемся с проблемой истинности факта. Целостная теория, объясняющая происхождение, развитие и бытие правовых феноменов в истории, не может опираться исключительно на имеющиеся в распоряжении исследователя данные.

¹ Часто это бывает в музыкальных и литературных произведениях, иногда и научные открытия совершаются одновременно или почти одновременно и независимо друг от друга.

Любая история, в том числе и история права, пишется людьми, которые склонны быть вводимы в заблуждение, честно ошибаться, намеренно скрывать и фальсифицировать факты в силу политической конъюнктуры, собственного неблагоприятного участия в событиях, религиозных, моральных, эстетических и прочих соображений. История вынуждена обращаться к поиску «скрытых фактов», могущих объяснить реальную правду, подлинный смысл происходивших событий, истинную роль тех или иных персон в этих событиях. Порой так называемая «секретность» обусловлена именно тем, что не все желают, чтобы такие факты были раскрыты. Но можно ли считать комментарии к фактам и их оценки элементами лжи? Ведь в этих оценках и комментариях может растворяться истина. Бенедетто Кроче писал: «Пусть не доверяют тем историкам, которые заявляют о своем желании руководствоваться только фактами, не внося в них ничего своего. Самое большое, это результат их наивности и самообмана»². И история как наука³, и деятельность практикующих юристов всегда связаны с работой с недостоверными, то есть лживыми фактами с целью не только разоблачения лжи и выявления правды, но и уяснения того, почему факты были сфальсифицированы именно таким образом.

Парадокс правовой жизни состоит в том, что при столкновении, например, лжи и истины в суде первая может победить именно в силу того, что сбор доказательств не в пользу истины. Другой парадокс состоит в том, что в правовом смысле высказанная публично истина может быть правовым образом оценена как предосудительная, аморальная, правонарушительная и даже преступная, если речь идет о достоверной информации, раскрытие которой может нанести вред государству, обществу, корпорации, конкретному человеку. Столь же преступным может быть и угроза опубликовать такую информацию или передать ее определенным лицам. Кроме того, даже правовое опровержение лжи полностью не снимает проблемы (феномен «украденной шубы» — то ли у него украли, то ли он украл). Отчасти поэтому долгое время опровержение лжи сопровождалось неправовыми методами (дуэль, кулачный поединок, террористический акт и т. п.).

Правовой способ опровержения лжи (клеветы, оскорбления, распространения порочащих фактов и т. п.) может быть осуществлен принесением извинений, уплатой штрафов и компенсаций пострадавшей стороне. Но сразу возникает вопрос о величине таких штрафов и компенсаций, а также искренности извинения. Собственно, речь идет именно о диффамации. Диффамация (от *лат.* *diffamo* «порочу») — распространение порочащих сведений. В большинстве стран рассматривается как правонарушение, заключающееся в распространении не соответствующих действительности порочащих сведений, умаляющих честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего.

Только недостоверная диффамация в виде клеветы влечет уголовную ответственность. Однако мы пре-

² Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 1920. С. 152–153.

³ Школа «Анналов» считает важнейшей задачей историков вскрывать истинные причины такой недостоверности.

красно понимаем, что и правдивые, но порочащие сведения могут принести вред и, по сути дела, преступны.

Сегодня весь мир переживает серьезные потрясения, обусловленные попытками США переложить свои проблемы, реально существующие и долгое время вызревавшие, на другие страны, причем не только на оппонентов, но и на союзников. Для этих целей прибегают ко всевозможным видам лжи и их сочетаниям. Одним из направлений такой лжи является фальсификация истории, двойные и даже тройные стандарты интерпретации событий, признание единомышленниками откровенно преступные режимы и их лидеров. Наглый обман в политике, изощренная ложь в информационной войне приносят неоспоримые дивиденды. Насколько можно действовать по сценарию американцев — это большой вопрос, ибо любая ложь в между-

народных отношениях объективно затрагивает и интересы других членов международного сообщества.

Итак, проблема лжи — одна из самых сложных и запутанных в праве и правовой культуре. Нет и не может быть однозначного ответа относительно аксиологической оценки данного явления. Столь же бессмысленно говорить о том, полезна она или нет. Выскажу кошунственное суждение: «ложь — это естественный элемент правовой жизни, имеющий амбивалентную оценку в правовом и моральном смысле, не подверженный единообразному восприятию и находящийся за пределами дихотомии «добро–зло». Правовое и моральное осуждение лжи как таковой не избавит мир от нее, равно как и то, что борьба за правду как сублимацию права и воплощение морали не бывает прямолинейной и бескомпромиссной.